

регулирование социально-экономических взаимоотношений между всеми участниками процесса общественного воспроизводства. Это позволит повысить стимулирующую роль системы налогообложения прибыли, ибо все организации будут экономически заинтересованы повышать эффективность хозяйственной деятельности и при этом будут поставлены в равные условия хозяйствования, так как при налогообложении прибыли будут учтены различия в уровнях и степени специализации и кооперации хозяйственной деятельности каждой организации. Использование разработанного алгоритма расчета дифференцированной ставки налога на прибыль позволит существенно упростить всю действующую систему налогообложения организаций, ибо позволит в перспективе отказаться от всех косвенных налогов выручки от реализации и тем самым снизить цены на все виды товаров. Кроме того, это позволит отказаться и от всех других видов налогов, покрываемых за счет прочих операционных и внереализационных расходов (к примеру, от налога на имущество организаций и ряда других аналогичных налогов).

В.П. Горюнов

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ПОСТРОЕНИЯ ЦЕЛОСТНОЙ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВА

Санкт-Петербург, СПбГПУ

Социальное знание еще не приобрело вид научной картины общества, подобной естественнонаучной картине природы, и не обладает теоретическим единством, базирующимся на некотором объективном основании. Не построена фундаментальная, согласующаяся с естествознанием социально-теоретическая модель общества, показывающая развитие всех сфер общественной жизни в их целостности, с позиции единых принципов и законов. Вместе с тем выработка экономической и технической политики все больше требует научно-теоретической проработки вопроса о естественно-природных основаниях общества, объяснение которых позволит подняться до научного объяснения всей общественной жизни, осуществить исследование общественного развития во всей его целостности, строго выдерживая единую логику, – что является главным критерием научности.

Величайший миф индустриальной эпохи, по крайней мере, в рамках европейской культуры, – это вера в абсолютный прогресс, позволяющий обществу достичь гармонии во всех сферах бытия на основе неуклонного роста производительных возможностей. При всей гуманистической направленности этого мифа он в конечном счете всегда служил прикрытием и оправданием глубокой социальной дифференциации, вселяя в представителей низших слоев

веру в лучшее будущее, общеисторический оптимизм, выходящий за пределы живущего поколения. Причем это в равной мере относится к внешне противоположным социальным моделям — капиталистической и коммунистической. От религиозного мифа он отличается только тем, что во главу угла ставит другой источник всеобщего блага — труд на основе научно-технического прогресса.

Исходя из этого мифа, сформировалась и основная социально-философская парадигма, единая для большинства направлений, зачастую далеко отстоящих друг от друга в общеполитическом плане. В соответствии с ней несовершенство человеческого бытия обусловлено главным образом действием “закона людей”, а не “закона вещей”. Это означает, что со стороны природы нет непреодолимых препятствий для нормального обустройства жизни людей; основные препятствия на пути к такому обустройству исходят от самих людей, от их собственных пороков и неумения наладить свою общественную жизнь. Иначе говоря, люди могут преодолеть природу, но не могут преодолеть себя. Отсюда следуют два альтернативных вывода: либо надо менять существующую систему отношений, создавать новую, обеспечивающую каждому индивиду возможность человеческого существования (путем социальной революции или социальных реформ); либо надо смириться и принять все как предустановленную данность природного или божественного происхождения.

Дальше всех в раскрытии закона вещей пошел К. Маркс, показавший, как из особенностей материальной жизни проистекают особенности общественного устройства. Однако, по К. Марксу, на определенном этапе материально-технического развития, когда наука становится непосредственной производительной силой, а человек вытесняется из непосредственного производственного процесса и начинает управлять им, общественное устройство становится последним и единственным препятствием для обеспечения всеобщего блага. Устранив это препятствие и опираясь на высокоразвитые производительные силы, люди смогут вступить в подлинное царство свободы, как над вещами, так и над самими собой; и тогда ничто уже не будет мешать неограниченному прогрессу во всех сферах человеческого бытия, причем все будут иметь равный доступ к достижениям этого прогресса.

Параллельно существовала, а сейчас стала господствующей, абсолютно противоположная оценка закона людей, которая состоит в том, что именно коммунистические отношения являются тормозом, мешающим реализовать людям все свои потенциальные возможности для своего собственного и общего блага. Только свободная деятельность и личная предприимчивость на базе частной собственности позволяют обществу достичь наиболее высоких результатов и обеспечить соблюдение естественного равенства людей, состоящего в личной свободе и равенстве прав. Таким образом, в основе социально-философской парадигмы периода индустриальной эпохи лежит технологический утопизм, общий для основных форм социального утопизма —

буржуазного и коммунистического. Нужен теоретический прорыв в области фундаментального объяснения общественной жизни, начиная с самого исходного акта возникновения социальности, с момента отделения человека от природы.

Общезвестная формула жизни состоит в том, что численность живых организмов определяется массой пищевых ресурсов, имеющихся в среде их обитания, и не может превысить уровень равновесного состояния, являющийся абсолютным. Существование общества в окружающей природной среде также можно описать как функционирование и развитие органической системы, поддерживающей свое существование потреблением ресурсов среды. Соответственно масса системы ограничивается массой доступных ресурсов и изменяется вместе с ней в некотором интервале между критическими значениями минимума и максимума. Но, в отличие от природных ассоциаций живых организмов, общество с помощью техники универсализирует использование окружающей среды, непрерывно наращивает ресурсную базу и обеспечивает свое расширенное воспроизводство, постоянно преодолевая уровень максимума, устанавливаемого определенным технологическим способом жизни.

Человек преодолел границы естественно-природного равновесия, получив на основе использования техники дополнительные средства жизни сверх данного самой природой и увеличив свою численность в той же самой среде обитания. Его жизнедеятельность осуществляется в рамках производственно-природного равновесия, переходящего с одного уровня на другой по мере расширения сферы материального единства общества и природы. Тем не менее, в качестве потребляющей системы в границах одного и того же типа материально-технического развития общество принципиально не отличается от любой другой органической системы в том плане, что извлекает из окружающей природной среды вполне определенные ресурсы, конкретные вещества и в силу их исчерпаемости всегда ограничено в своем росте. На каждой очередной ступени производственно-природного равновесия, соответствующей историческому типу материально-технического развития, имеется абсолютный предел роста, не преодолев который, общество не только не поднимется на более высокий уровень, но не сможет удержаться и на существующем, поскольку потребляет ресурсы сверх суммы их фиксированных запасов и естественного воспроизводства.

Следовательно, однажды вырвавшись за пределы естественно-природного равновесия, общество обрекло себя на вечную смену технологических ступеней, не будучи в состоянии окончательно закрепиться на какой-либо из них, поскольку безвозвратно исчерпывает невозобновляемые ресурсы и превышает уровень восстановления возобновляемых ресурсов. На каждом этапе материально-технического развития оно необходимо достигает предельного уровня производства и, чтобы не погибнуть, вынуждено переключаться на использование качественно новой ресурсной базы. В целом материально-

техническое развитие общества предстает перед нами как поступательный необратимый процесс, при этом каждый новый производственно-технологический переход осуществляется ценой все более возрастающих дополнительных затрат.

Однако общественная практика в настоящее время поставила вопрос о наличии всеобщих абсолютных границ, связываемых в общественном сознании с достижением планетарного рубежа материально-технической деятельности. Хотя, с одной стороны, для его преодоления в том или ином виде нет каких-либо принципиальных препятствий, делающих это преодоление невозможным, и для перехода на очередной уровень производственно-природного равновесия нужно только одно – дополнительные ресурсы. Но, с другой стороны, объем этих ресурсов так велик, что дальнейшее существование общества становится все более неопределенным, чем когда бы то ни было. Если до сих пор линия его развития целиком вписывалась в линию развития биосферы в ее прошлом и настоящем существовании и, благодаря этой предметной преемственности, была устойчивой, то теперь предметная преемственность развития общества сузилась до пока еще не ставшего существенно значимым перечня форм неорганической материи, с использованием которых можно было бы достаточно определенно связывать его дальнейшее существование вне зависимости от ограничений условиями Земли.

Достижение общепланетарного рубежа во взаимодействии общества и природы положило конец абсолютистскому подходу в оценке общественного прогресса, основанному на убеждении в возможности обеспечения человечеством такого гармоничного состояния, когда будет покончено с голодом, неравенством, войнами и различными человеческими пороками, когда появятся неограниченные возможности совершенствования людей и т.п. Такое убеждение базировалось на признании неограниченности материально-технического развития, уходящего в неопределенное будущее. И вот человечество достигло предела в возможности того непрекращающегося роста, к которому оно привыкло, и с которым связывались прогрессивистские идеи, а все перечисленные и им подобные проблемы не только не исчезли, но даже обострились.

Итак, линия материально-технического развития общества складывается в результате взаимодействия двух переменных: рост производства средств жизни и снижение ресурсного потенциала природной среды. При этом, чем более истощается природная среда, тем более дополнительного труда требуется даже для сохранения достигнутого уровня производства, а на определенном гипотетическом этапе, когда научно-технический прогресс уже не сможет обеспечить компенсирующий прирост новых ресурсов в среде, производство и вовсе перейдет в фазу абсолютной неэффективности.

Модель предотвращения всеобщей экологической катастрофы обычно строится на введении двух главных ограничений: сокращение численности

населения Земли (по некоторым расчетам – до 1 миллиарда) и прекращение роста материального потребления, переход к преимущественно духовному развитию человека, что в совокупности обеспечит решение проблем неравенства, эксплуатации, насилия и т.п. Данная модель представляет собой типичный образец технологической и социальной утопии, потому что не учитывает действие главного закона материально-технического развития, который выражает не соотнесенность абсолютных показателей материального производства и ресурсного потенциала природной среды, когда теоретически оказываются равновероятными модели предельного и беспредельного роста производства и потребления, а соотнесенность ресурсов, затрачиваемых на осуществление производства, и ресурсов, получаемых в его результате, что означает при переводе на один и тот же эквивалент соотношение расходуемых и воспроизводимых ресурсов жизни. В зависимости от оценки данного соотношения мы получаем ту или иную формулу производства, в соответствии с которой строится вся модель общества: определяемый уровнем знания тип материально-технического развития, обусловленная им система социальных отношений и отражающая ее сфера духовной культуры. Следовательно, данная формула производства, выражая его главное материальное отношение и будучи своеобразным ядром социальной кристаллизации, по сути своей является предельно свернутой техносocиальной формулой общества в целом.

Для соизмеримости массы затрачиваемых на процесс производства ресурсов и массы ресурсов, получаемых в результате производства, необходимо определить общую единицу измерения, в качестве которой можно обозначить количество ресурсов, расходуемых на условную единицу жизни. Данную абстракцию можно по-разному конкретизировать, – например, отдельная человеческая жизнь или определенный промежуток времени поддержания жизни с ее определенным качественным наполнением, т.е. условиями проживания жизни, где минимальным значением, нижним уровнем, порогом будет простое биологическое выживание. В принципе единица жизни может рассматриваться как абсолютная величина, позволяющая соизмерять любые ресурсные массы, независимо от места и времени их существования. Важно лишь задавать однотипность, однородность условий жизни, – подобно тому, как определяется единица измерения стоимости по количеству рабочего времени при одинаковой сложности труда.

Однако при рассмотрении функционирования и развития общества в качестве органической системы вопрос об оценке его эффективности (соотношение затрачиваемых и создаваемых ресурсов жизни) является не только главным, но одновременно и самым трудным. С точки зрения отношения общества к окружающей природной среде это абсурдный вопрос, ибо общество не выполняет никакой внешней функции, не совершает никакой полезной работы и потому не может характеризоваться, подобно машине, коэффициентом полезного действия. Как и любая другая живая система, оно существует за счет

деорганизации внешней среды, потребляет созданные самой природой ресурсы. Понятие эффективности общественной системы означает соотношение затрачиваемых ею усилий на поддержание собственного существования, необходимо совершаемой работы и получаемых результатов, объема возможного существования. Иными словами, речь идет о соотношении затрачиваемой массы живого труда и получаемой в его результате массы воспроизводимой жизни, потенциала нового цикла труда, его источника.

В соответствии с общепринятой в настоящее время точкой зрения в рамках абсолютистского понимания общественного прогресса предполагается, что производимые обществом ресурсы жизни превышают массу затрачиваемых ресурсов необходимой деятельности (формула имеет вид неравенства), за счет чего в обществе наблюдается исторический рост трех главных показателей его прогрессивного развития: численность народонаселения, уровень производства и потребления, количество свободного времени. В таком опережении усматривается всеобщий закон материального производства. Источник роста очевиден – это расширяющееся использование готовых, “бесплатных” сил и веществ природы. В пределах данной абсолютистско-прогрессивистской концепции развития общества, ставящей во главу угла неограниченные возможности человеческого разума в деле познания и преобразования окружающей природы, изначально признается только один безответный вопрос – о естественных абсолютных границах человеческого существования, будь то на уровне фундаментальных закономерностей мироздания или в масштабах экологической предельности жизни на Земле.

Однако эта концепция первоначально и до сих пор имеет главным образом мировоззренческо-идеологический характер и по степени научной обоснованности не выходит за пределы понимания природного и социального бытия в эпоху Просвещения. Построить на ее основе удовлетворяющую современным критериям научности целостную теоретическую модель общества, демонстрирующую главные законы его функционирования и развития, не представляется возможным.

Рост численности народонаселения, уровня материального потребления и доли свободного времени как абсолютные показатели прогрессирующего развития общества по сути сводимы друг к другу, будучи лишь различными формами выражения одного и того же всеобщего показателя – превышения массы затрачиваемых на общественное производство ресурсов массой получаемых в его процессе средств жизни. То есть это превышение может быть выражено и как дополнительное население, не занятое материальным производством, и как дополнительное потребление, не связанное с воспроизводством рабочей силы, и как время, свободное от необходимой деятельности. Однако остается неясным, во-первых, в чем, собственно, смысл и каковы границы роста этих показателей самих по себе? Так, например, может ли быть целью общественного развития достижение определенной численности

нароdoнаселения? Или — к какому уровню материального потребления стремится человечество? Наконец, для чего и сколько надо человеку времени, свободного от необходимой деятельности по поддержанию собственной жизни? Во-вторых, какова соподчиненность по шкале ценности перечисленных показателей в реальном целеполагании? Скажем, рост народонаселения увеличивает свободное время, но снижает уровень материального потребления, и наоборот.

Но на все эти сугубо абстрактные вопросы нет достаточно определенных ответов, а значит, нет понимания самих основ социально-исторического процесса. Абсолютистско-прогрессивистская модель общества не указывает фундаментальных законов его функционирования и развития. Да, общественное производство с непреодолимой силой непрерывно растет, но при этом никогда не достигает уровня, обеспечивающего всеобщее простое выживание. Следовательно, рост потребностей как движущей силы роста производства есть выражение всего лишь непреодолимого дефицита средств жизни, а не спонтанного развития человека, которому “все мало”; и так называемый закон возвышения потребностей, не позволяющий обществу остановиться на каком-либо одном типе материально-технического развития или одном уровне производства, является объективным общественно-производственным законом роста, а не субъективно-психологическим законом отсутствия меры потребления.

Как уже говорилось, в условиях достижения обществом планетарного рубежа материально-технического развития в недрах политики и идеологии вполне логично рождается призыв к сознательной стагнации материального производства, сокращению численности народонаселения и переключению общественного прогресса на сугубо духовные показатели, якобы единственно не имеющие объективных ограничений. Проще говоря, предлагается формулу производства преобразовать из неравенства в уравнение, а материальные ценности заменить духовными. В рамках предложенного нами релятивистского подхода формула, наоборот, имеет вид неравенства с противоположным знаком по сравнению с вышеописанной формулой абсолютного прогресса и выглядит следующим образом:

Затраты труда	>	Созданные трудом средства жизни
Народонаселение, определяемое производством	>	Народонаселение, определяемое произведенными средствами жизни
Разрушаемая природная среда	>	Восстанавливаемая природная среда
В целом:		
Ресурсоемкость системы необходимой деятельности ТРУД	>	Ресурсоемкость комплекса возможной жизни РЕЗУЛЬТАТ

Следовательно, совокупная масса ресурсов, непосредственно и опосредованно расходуемых на осуществление процесса производства, в конечном счете растет с опережением, в силу чего совокупная масса производимых средств жизни не способна заполнить требуемый объем потребления даже при условии его усредненности в уравнилельском варианте распределения, оставаясь всегда меньшей по сравнению с той массой, которая обеспечила бы возможность существования всех участников производства. Иначе говоря, материально-техническое развитие, позволяя на основе научно-технического прогресса осуществить абсолютный рост производства средств жизни и численности народонаселения, ни при каких обстоятельствах не может устранить указанное выше неравенство, "преодолеть" данную техносциальную формулу. То есть общество не в состоянии догнать самого себя в непрекращающейся гонке производимых и необходимых ресурсов жизни.

Как известно, процесс присвоения готовых продуктов природы не является собственно трудом. Он начинается с деятельности по созданию средств существования, дополнительных к тому, что создано самой природой и доступно на уровне животного состояния. При этом в процессе материально-технического развития общества изначально авансируется труд, а потом происходит отдача. Этапы авансирования труда и получения отдачи накладываются друг на друга и взаимно компенсируются, но в целом обнаруживается цикличность материально-технического развития — периоды подъема, высокой отдачи труда и периоды спада, расширенного авансирования труда. В свою очередь, цикличность материально-технического развития обуславливает социальную цикличность, а та — культурно-духовную. Все вместе образует определенные циклы истории, выпадающие на долю отдельных поколений, провалы и гребни волн цивилизационного развития.

Общий баланс эффективности техники до недавнего времени был положительным, но в том и заключается техническое содержание так называемого экологического кризиса, что затрачиваемые ресурсы на переход к новому типу материально-технического развития все меньше компенсируются получением дополнительных ресурсов, — то есть авансируемый труд все меньше "оплачивается". Техника постоянно стремится к достижению предельного уровня производственно-природного равновесия, на котором она исчерпывает свою всеобщую функцию быть средством выживания человека. Вопрос о реальном достижении такого предела является предметом острых дискуссий в самых разных областях и получает альтернативные решения в виде технологического оптимизма и пессимизма, провозглашаемых различными технократическими концепциями, развиваемыми на общей методологической основе технологического детерминизма в рамках абсолютистской социально-теоретической модели общества.

Объективный закон существования людей в окружающей природной среде тот же, что и закон существования живых организмов в среде обитания, а именно:

выживание. Никакого особого предназначения общества в природе нет, и это следует признать, если не покидать естественнонаучных позиций. Человек и животное совершенно одинаковы по статусу потребителей ресурсов среды, и людей отличает лишь то, что, во-первых, их отношения строятся на основе производственно-природного равновесия, когда природная среда, благодаря труду, используется универсально, и сфера материального единства общества и природы постоянно расширяется; во-вторых, столь же универсален и предмет их отношений, не ограничивающийся, как у животных, пищей и брачностью; в-третьих, отношения между людьми осуществляются в виде осмысленных действий на основе нормативно-ценностной ориентации и с использованием технических средств воздействия. Разумеется, указанные различия являются качественными, но они касаются только способа освоения ресурсов природной среды и способа регулирования отношений по поводу их потребления; сам же закон отношения к среде и к себе подобным одинаков для всех живых существ, независимо от того, являются они разумными или нет. Определение этого закона и реконструкция механизма его действия могут рассматриваться в качестве ключа к объяснению возникновения социальности, поскольку здесь находится та клеточка в отношениях самой природы, из которой образуются и развиваются дальше социальные отношения.

Техника периода первобытной дикости, представленная примитивными ручными орудиями, была, по образному выражению К. Маркса, данным самой природой органом деятельности человека, который он присоединял к органам своего тела, удлинняя их естественные размеры. Она позволяла человеку расширить экологическую нишу своего существования, но не могла обеспечить выхода за пределы ограничений естественно-природного равновесия. Здесь качественное отличие человека от животного в том, что люди с помощью техники добывали ресурсы не только непосредственно из природы, но и захватывая ресурсы, добытые другими людьми, включая и их самих. Расширение человека в природе происходило не только как расширение вида путем вытеснения других видов, но и как результат внутривидовой борьбы, которая стала главным фактором отбора и развития.

Наступление эпохи цивилизации ознаменовалось созданием техники, позволившей перейти к универсальному использованию окружающей среды в качестве источника ресурсов своего существования и тем самым преодолеть ограничения естественно-природного равновесия. Но если эффективность труда изначально имеет отрицательное значение, когда расход рабочей силы изначально выше полученного результата, то для осуществления процесса производства недостаточно покорения сил природы, необходимо еще покорение сил другого человека, превращение его всего лишь в говорящее орудие. Качественное отличие техники цивилизованного общества от первобытной техники состоит в том, что она позволяет человеку превратить другого человека в средство своей целесообразной деятельности, использовать его как данную

самой природой рабочую силу. Соответственно вся техническая история цивилизации характеризуется двойственным отношением человека к технике, проявляющемся в общественном разделении людей, когда для одних техника является средством жизни и собственного развития, а другие служат ее живым придатком, развивающимся в границах выполнения предписанной им техносервисной функции.

Главное социальное отношение господства и подчинения, бытие людей в отношениях друг с другом в качестве цели и средства составляет столь же необходимое условие осуществления материального производства, как и техника, — это две равноправные и неразрывно связанные стороны процесса производства. Данное общественное отношение “цели и средства” само по себе, как таковое, не зависит от уровня материально-технического развития и всегда остается базовым элементом любой социальной системы. В ходе технического прогресса меняются лишь его исторические формы, и именно в этих пределах детерминации можно говорить об определяемости производственных отношений характером и уровнем развития производительных сил. Что касается социальных революций, то они сводятся к перераспределению мест в системе социальной дифференциации, не будучи в состоянии упразднить ее в принципе.

Рост общественного богатства происходит по схеме построения печально известной финансовой пирамиды, поддерживаемой увеличивающимся притоком новых вкладчиков, то есть за счет расширения такого же притока дополнительной рабочей силы на основе расширенного воспроизводства народонаселения. Но все равно кто-то оказывается “крайним”, как, например, такими оказались российские шахтеры. Однако, в отличие от абсолютной предельности размера пирамиды в соответствии с числом потенциальных вкладчиков, рост общественного богатства не имеет какого-либо достоверно установленного предела в силу отсутствия достоверно установленных пределов ресурсного потенциала природы.

В целом техносоциальная формула позволяет ответить на некоторые принципиальные теоретические вопросы, поставленные перед социальной наукой в связи с переломным моментом переживаемой нами истории. И прежде всего на главный из них — о наличии объективной закономерности общественного развития, поддающейся научному анализу. Формула определяет эту закономерность, вытекающую из преемственности естественно-природного и социального развития, описывает их единство и различие и показывает точку изгиба в эволюции живой материи, перешедшей в эволюцию социальную, раскрывает структуру этого перехода.

В соответствии с техносоциальной формулой общества, как абстрактной социально-теоретической моделью, каждая конкретно-историческая общность (нация, страна, этнос и т.п. образования) характеризуется своей геоисторической формулой, складывающейся из географических, демографических, технологических, социально-культурных, геополитических факторов, обуславливающих два взаимозависимых показателя: характер внутреннего социального устройства и способ включенности в мировое сообщество (то и

другое берется в аспекте отношений господства и подчинения). Иначе говоря, геонисторическая формула общности раскрывается в интенсивности или экстенсивности экономического развития, авангардности или отсталости в научно-техническом прогрессе, эволюционности или революционности социальных изменений, демократичности или авторитарности управления, уровне жизни и глубине социальной дифференциации.

Применительно к каждой отдельной общности техносциальная формула общества наполняется определенным содержанием в соответствии с конкретными историческими условиями существования общности и поддается системному моделированию и анализу с использованием математического аппарата. Здесь нет места неверифицируемым понятиям типа "нормальная экономика", "достойные условия жизни", "нравственная политика", "разумный закон", "достойное место народа", "счастье людей" и т.п. Все понятия и суждения должны быть содержательными, т.е. иметь конкретное качественное и количественное наполнение, позволяющее определить конкретную формулу конкретной общности. В качестве основных составляющих такой модели можно взять:

- численность и качественный состав народонаселения;
- ресурсы занимаемой территории, оцениваемые по шкале мирового уровня материально-технического развития;
- уровень собственного материально-технического развития в сопоставлении с мировым;
- качество жизни в сопоставлении с мировым;
- система социальной дифференциации (разумеется, она должна быть описана не в ценностных категориях справедливости или несправедливости, а в соотношении объективных величин, характеризующих условия жизни разных групп населения);
- место общности во внешней системе социального взаимодействия;
- способ управления;
- система духовной культуры.

Нетрудно увидеть, что все элементы общности взаимоувязаны единым системным отношением и изменение любого из них необходимо влечет за собой изменение других. Поэтому управление общностью должно опираться на видение вполне определенных сценариев ее развития, вытекающих из целевых установок. Разумеется, расчет сценариев ничего общего не имеет с пророческим предсказанием конкретного хода событий, будучи системным моделированием возможных состояний, вытекающих из учтенной информации о действующих факторах. Так, ограничение на расчет развития общности накладывается вариативность ее внешнего взаимодействия – объективная непредсказуемость состояния системы, в которую она включена. Одновременно моделирование общемировой системы ограничивается непредсказуемостью состояний, поведения ее структурных элементов – субъектов взаимодействия.

В процессе революций осуществляется смена систем социальной дифференциации, а в конечном счете переход от одной формулы общности к другой. Поэтому социальные преобразования всегда связаны с насилием, характер и степень которого определяется характером и глубиной самих преобразований. Отсюда противоречие между законностью и революционной целесообразностью, – вечное, постоянно разрешаемое противоречие цивилизованного общества, неизменный исторический сюжет, в котором меняются только действующие лица.

Общество представляет собой относительно сбалансированную систему большого множества общностей, сложившихся в результате определенных объективных причин природного и социального характера, будь то целенаправленная деятельность правителей и завоевателей или просто статистический расклад обстоятельств и действующих сил. Общности различаются по объему (массе), уровню материально-технического развития, этническим и социально-культурным особенностям.

В зависимости от своей геоисторической формулы, общность может существовать либо самостоятельно, будучи непосредственно встроенной в мировую или региональную систему, имея свою нишу в мировом природном и социальном пространстве; либо общность обязательно входит в какое-либо другое целое, т.е. общность более широкого плана. Например, Россия, как целое, исключительно мозаична, составляющие ее исторические общности могут существовать по-разному, но Россия в целом может существовать лишь в виде единого экономического и политического организма с предельно сильной централизованной властью. Для отношений союза во всех отношениях равных субъектов нет достаточной равномерности экономического и социально-культурного развития.

Глобализация мировой экономики означает, что в систему разделения труда втянут весь мир, и областей, параллельных мировой системе, сосуществующих с ней, больше нет. Последний этап такого параллельного существования был представлен противоположными системами социализма и капитализма. Соответственно, перед Россией и другими республиками бывшего Советского Союза стоит проблема вхождения в мировую систему: в каком качестве и в каком объеме (границах)? Ясно, что вхождение в СССР и вхождение в мировую систему обуславливают разные требования и возможности сосуществования в одном целом.

Это актуально особенно для России. Но в ней сейчас реально преобладает борьба не за путь развития как единой общности в мировой системе, т.е. не за способ ведения общего хозяйства во взаимодействии с другими хозяйствами как партнерами и конкурентами, а внутренняя междоусобная борьба, для участников которой нет общего российского хозяйства и нет общих партнеров – конкурентов. Внешний мир выступает в этой борьбе просто как внешняя среда, которую можно использовать в узкокорыстных интересах (вывозить туда капитал, сырье, рабочую силу и т.д., а что-то, наоборот, ввозить оттуда).

А Россия, в свою очередь, для мира существует тоже как просто пространство, где есть некие ресурсы, но не как партнер, а тем более конкурент. По сути Россия всегда пребывала в таком качестве, не будучи достаточно полно включенной в систему международного разделения труда и оставаясь на периферии мирового производственного процесса, хотя в военном отношении она всегда была активным участником мировой политики. В условиях глобального мира дальнейшее сохранение такого положения вряд ли возможно, однако не исключено, что в существующем объеме (границах) Россия в качестве открытого общества существовать не сможет, а в качестве закрытого общества ее не примут как самостоятельного партнера.

Видение исторических перспектив России, как правило, выражено в лозунгах, экспертных оценках, прогнозах, сценариях. В основном все эти мыслительные конструкции создаются на заказ, под определенный интерес. То есть понимание России провозглашается, а не выводится из объективной модели. Декларацию можно принять или не принять, с выводимыми положениями нельзя просто согласиться или не согласиться, здесь принимать или не принимать можно только саму исходную модель.

Новая социальная реальность обычно предстает в двух измерениях. С одной стороны – это новый мир, с другой – новая Россия. То и другое непривычно и пугающе чуждо, то и другое требует осмысления, теоретического освещения, ориентирующего в сложившейся ситуации. Но необходимые теоретические ориентиры отсутствуют, их заменяют рассуждения постфактум, определение некоего узора в сплетении происшедших событий и принятие его в качестве закономерности.

Россия по шкале современного уровня материально-технического развития является обладательницей больших природных богатств. Однако она не может эффективно распорядиться ими самостоятельно по причине отсутствия внутренних источников кредитования, т.е. источников авансированного труда, необходимого, во-первых, для разработки новой техники и новых технологий; во-вторых, – для разворачивания работ по собственно добыче, переработке и дальше по всем технологическим переделам. Все негативное, что связано с недостаточностью собственных возможностей (в том числе и управленческих, политических) по рациональному использованию природных ресурсов, обусловлено факторами самой Российской жизни, а не “происками заокеанских воротил бизнеса”, сознательно удушающих Россию. Разворачивание производственных фондов, загрязнение территории, вывоз капитала за границу, развал экономики вообще, – все это дело рук самих россиян, ставшее возможным в условиях открытости перед миром.

Исходя из географических и демографических условий развития современной России и ее особого места в геополитическом мировом пространстве, создание устойчивой общественной системы, саморегулируемой на основе последовательно реализуемых принципов либерализма, в обозримом будущем представляется маловероятным. Соотношение тенденций демократизма и либерализма – с одной стороны, авторитаризма и централизма

– с другой, определяется не столько внутренними, сколько внешними движущими силами развития России. Либерализм в современных условиях не обеспечивает главного – сохранения устойчивой самостоятельности в системе внешней социальной дифференциации.

Соблюдение государственных интересов по выходу на мировой уровень материально-технического развития исторически связано с централизмом, хотя это всегда имело характер штурма, рывков, требовало перенапряжения сил и никогда не было, во-первых, всеобъемлющим и, во-вторых, долговременным. Тем не менее, сам этот механизм ясен. Наоборот, конкретно-исторический механизм достижения Россией мирового уровня материально-технического развития на базе либерализма неясен, потому что в этом случае не действует, как фактор, национальный интерес. Ведь не некие государства вывозят из России сырье и ввозят ядовитые отходы, – это делают наши российские фирмы, – то есть мы сами как бы продаем и отравляем себя, противопоставляя частный коммерческий интерес национальному. А то, что это делается с купленного благословения и при непосредственном участии государственных чиновников, совсем не означает порочности самого принципа государственности. Как, впрочем, и сам факт доминирования государства еще не означает доминирования государственности как таковой.

Для России централизм есть историческая необходимость как в плане установления и поддержания единых норм общественной жизни (правил игры) внутри, так и для обеспечения внешних благоприятных условий ее существования. Однако эта объективная необходимость централизма в России, связанная с ее особенностями как интегрированного целого, никак не может перекрыть его объективного отрицания, связанного с неспособностью обеспечить эффективное управление дифференцированным целым. В данной неразрешимой проблеме выбора между централизмом и либерализмом, пожалуй, и состоит историческая безысходность российской общности.

Несмотря на восстановление в России исторически традиционной для нее глубокой социальной дифференциации, лозунги внутрисоциальной борьбы чисто классового характера все больше представляются идеологическим анахронизмом. Действительная социальная борьба в России всегда велась в явном или неявном подчинении проблеме установления ее статуса в системе мировой социальной дифференциации, и все многообразие исторических форм противоборствующих социальных сил может быть сведено к двум интегральным формам – национал-государственники и космополиты-либералы. Политика первых исторически всегда преобладала, но никогда не могла вывести Россию из состояния изоляции и преодолеть холодное высокомерие в отношении к ней со стороны Запада как стратегически приоритетного партнера и оппонента одновременно. Политика вторых никогда не преобладала, но всегда означала подчинение России на путях полного включения во всеобщий мировой рынок и ориентации в организации своей жизни на его правила. Образно говоря,

России на этом всеобщем рынке быстро “разденут”, как периферийного жителя на столичном базаре.

Надо понять одну простую, но очень жестокую истину: борьба за выживание объективно исключает какие бы то ни было компромиссы и в доведенном до логического конца виде представляет собой борьбу на уничтожение. А такой конец всегда становится действительностью при непосредственном столкновении интересов за жизненное пространство, понимаемое как жизненные ресурсы вообще. Здесь бессмысленно искать некие нравственные барьеры. Борьба культур, цивилизаций, этносов (как бы ни называть) могла быть борьбой на вытеснение, пока существовал резерв пространства в буквальном смысле, в которое и вытеснялись слабые общности более сильными. Достижение человечеством глобальности в своем развитии означает, что границы общностей (культур, цивилизаций, этносов) сомкнулись и выдавливать им друг друга больше некуда, свободных ниш уже не осталось.

Соответственно, каждая общность должна определить свое место в этом социальном континууме и находить средства для его удержания: политические, экономические, военные, — какие угодно. Специфика России — ее преимущественно оборонительная геополитика, а постоянное расширение России на Восток вплоть до становления огромной империи в решающей мере явилось результатом именно ее выдавливания туда Западом. Кстати, при конкретно-историческом подходе надо заметить, что то было выдавливание в зону отсутствия его жизненных интересов, почти как в никому не нужную пустыню. Но при отклонении от допустимого направления российской экспансии ей об этом быстро напоминали.

В лозунговую модель России, как передовой общности, в качестве базовых элементов обычно закладывают природные богатства, высокое качество интеллектуальных и трудовых ресурсов и несколько наработанных передовых технологий. В какой мере прорыв России в мировые лидеры реален и какие препятствия мешают этому? Исходя из методологии формулы, можно высказать ряд суждений:

При замкнутом развитии такой прорыв не получится ни технологически (быть впереди можно, лишь опираясь на всю мировую систему материально-технического развития), ни социально (не избежать глубокой социальной дифференциации). Следовательно, включение в мировую систему материально-технического и социального взаимодействия объективно необходимо. К тому же России в нынешнем глобализованном мире просто не позволяет остаться закрытой.

Баланс прихода и расхода совокупных ресурсов жизни, при котором Россия не была бы ни “целью”, ни “средством” по отношению к другим общностям, возможен лишь кратковременно.

Таким образом, авангардная роль России может быть обеспечена только при условии дополнительной подпитки извне. В какой форме и в виде каких ресурсов? Военная экспансия в обозримой исторической перспективе однозначно исключена. Остается один (пока что сугубо гипотетический) путь,

вытекающий из законов материально-технической реконструкции, — привлечение дополнительного интеллектуального и трудового потенциала со стороны. Проще говоря, источником дополнительных ресурсов жизни должен стать чужой интеллект и чужая рабочая сила. Вот главный предмет конкуренции будущего. Однако, к сожалению, пока что именно из России в Европу и Америку утекают мозги и рабочие руки. Более того, все шире разворачивается материальное и интеллектуальное производство непосредственно в России, когда уже не вывозится сырье, не уезжают кадры, на месте реализуется произведенная продукция, но в итоге из России выдавливается рафинированный ресурс жизни, а остаются загрязненные территории и опустошенные души. В современном глобальном мире не обязательно завоевывать физическое пространство, достаточно навязать населению определенный образ жизни, все остальное сделают сами люди, да еще на конкурсной основе.

По своей формуле российская общность обречена на нужду в той мере, в какой она не может жить за счет других общностей ни силой оружия, ни превосходством технологий. Поэтому она всегда остается глубоко дифференцированной, и элите всегда присуще презрение к массе, стремление отмежеваться от нее во всем, кроме ее служения в качестве средства. В свою очередь, масса отвечает отношением к труду как к повинности и всячески стремится убежать от него. Дело не в природной российской лени и расхлябанности, как это трактуется в некоторых мифах о российском менталитете, а в том, что одним трудом не прожить, когда совокупное общественное производство изначально неэффективно, т.е. труд не дает положительного результата и осуществляется по принуждению в рамках отношений господства и подчинения.

Современный мир перестраивается, намечается новая разбивка на возможные военные блоки. Деление на социалистический и капиталистический лагерь имело под собой идеологическое основание и было силовым, волюнтаристским по исполнению. Их нельзя рассматривать как реальные, вытекающие из логики исторического развития блоки. Хотя, конечно, и могла развязаться ядерная мировая война, возможные последствия которой не поддаются умозрительному описанию, она не привела бы к разрешению действительных противоречий мирового развития, а тем более не была бы последней. Этой войны никто не хотел, потому что никто в ней не был заинтересован. Так что не случайно и не в результате миролюбия человечеству удалось ограничиться холодной войной — идеологической и экономической, принявшей форму гонки вооружений, движущая сила которой впервые в истории оказалась тотальной: на войну “сработала” научно-техническая революция, составившая целую эпоху в развитии общества. Соответственно, и по своим результатам это оказалась настоящая война, ибо она закончилась полным разгромом одной из воюющих сторон.

В отношениях между начавшими зарождаться новыми военными блоками уже труднее обойтись холодной войной. А объективно основания наиболее

вероятного военного столкновения остались прежние, то есть речь идет о ревизии результатов предыдущей мировой войны, и Россия опять оказывается центром схождения сил мирового противостояния, снова намечается тенденция к разрешению мировых противоречий за ее счет.

Но мир стал качественно иным, превратившись в глобальную систему социального взаимодействия. Наряду с традиционными противоречиями между господствующими общностями, борющимися за сферы влияния как за необходимые источники своего существования, четко обозначились линии нового противостояния, новых переделов жизненного пространства. Наиболее явственно здесь прослеживается линия, разделившая мир энергоносителей, представленный главным образом странами так называемого мусульманского мира, и мир технологий в лице западных (в социальном, а не географическом смысле) стран. Оба мира не могут обойтись друг без друга, оба неоднородны сами по себе, оба претендуют на главенство в глобальной системе международных отношений. Безусловно, надо учитывать еще не подкрепленные достаточной реальной силой геополитические претензии азиатских гигантов – Китая и Индии.

В отличие от мира энергоносителей и мира технологий, которые могут диктовать друг другу и остальным свои условия и навязывать правила игры, Россия ничего не может диктовать. Ее специфика заключается в способности жить своими природными, техническими и интеллектуальными ресурсами. Но для этого она должна пойти и своим особенным, как говорят, третьим путем, который означает господство своих ценностей и своих отношений. Однако предпосылок для такого развития в самой России пока не видно, а налицо примитивная силовая социальная дифференциация, которая ни в малейшем приближении не позволяет говорить о так называемой соборности русского народа.

В целом из разных сочетаний противоречий завязывается единый мировой узел, вне которого и даже на его периферии Россия, если бы и хотела, никак не может остаться, благодаря своему евроазиатскому положению. Однако она сама расколота таким образом, что линии мирового разделения проходят по ее собственному телу (причем славянское православие теснится со всех сторон), и она не выработала еще (за всю тысячу, а не за последние десять лет) своего определенного геополитического интереса. Сейчас России в этом смысле, то есть как самостоятельной силы, вроде и не существует, – ее ракеты нацелены в "никуда".

Либерализм ведет к растворению России в глобальном открытом обществе, централизм ведет к ее изоляции, отторжению и неизбежной конфронтации с либеральным миром. При этом в России есть силы, на словах равно озабоченные ее благополучием, но объективно толкающие страну к одной из крайностей либерализма и централизма. Западники и славянофилы, либералы и консерваторы (сейчас – демократы и государственники), – вот исторические

линии политико-экономического противостояния в России. Коммунисты, сумевшие на практике реализовать принципы централизма до пределов тотального огосударствления общественной жизни, в настоящее время не имеют своей полярной пары (противоположности). Сейчас против них все — и государственники — монархисты, и государственники — республиканцы, и либералы — демократы всех мастей.

Анализ централизма и либерализма вообще и тезис о необходимости, закономерности централизма в России, в частности, ни в коей мере не содержит и не предполагает ценностных суждений. Здесь присутствует сугубо рациональное рассмотрение вопроса. Разумеется, и централизм, и либерализм имеют свои плюсы и минусы с точки зрения интересов конкретных групп людей. Более широко, за пределами обстоятельств бытия конкретных общностей, так можно говорить лишь в том смысле, что свои плюсы и минусы имеет человеческий способ жизни вообще, как, впрочем, и сама жизнь как таковая.

В целом можно сказать, что в настоящее время в России нет организованной политической силы, достаточно полно выражающей ее национальные интересы и опирающейся на широкую социально-экономическую базу. Возможно, это объясняется объективной противоречивостью геоисторической формулы России, не позволяющей соединить в рамках современной цивилизации свободу внутреннюю и свободу внешнюю. Наверное, потому и была ее судьба всегда крепко связана с появлением личностей, на какое-то время вздыбливающих страну.

Российская национальная идея всегда связана с властью, она сама, можно сказать, есть идея власти в той мере, в какой власть в глазах общества являет собой символ величия, справедливости, защиты. Современная идея Запада — это, в конечном счете, идея закона, воплощающего в себе равенство свободных, не зависимых друг от друга людей. Власть направляет, карает и защищает подданных, а закон регулирует отношения собственников, защищает их от произвола власти. В России власть всегда преобладала над законностью, сегодня в ней дефицит того и другого при избытке деклараций о стремлении их реализации в полном объеме. Хотя объективно большинство населения России лишено собственности и нуждается в защите, а меньшинство, обладающее собственностью, требует охраняющей их законности. Таково объективное противоречие современной России, такова ее социальная дифференциация: одни ждут защиту со стороны власти, а другие — защиту от власти. В России власть больше, чем власть: власть в России — это все.

В современном мире больше некого и нечего завоевывать в старом смысле этого слова, мир к XXI веку полностью освоен и поделен. Но борьба за выживание остается. Однако стихийная неупорядоченность, спонтанность и хаотичность войны, как средства урегулирования международных отношений, в эпоху глобализации сменяется упорядоченностью и регулируемостью наказания или уничтожения противника, с одной стороны — четко

спланированными террористическими актами, а с другой — экономическим санкциями и точечными ракетно-бомбовыми ударами по выборочным целям. Война, в соответствии с техносциальной формулой, принципиально не может быть устранена из жизни общества. В глобальном мире с его всеобщей взаимозависимостью элементов любой конфликт вызывает цепную реакцию противостояния, эскалацию насилия и раскола. Глобализация означает переход к всеобщей непрерывной войне, которая, по сути, и является мировой войной и которая по причине неравномерности общественного развития всегда таит опасность перерастания в глобальный военный конфликт с очередным порядковым номером в хронологии мировой истории.

Абсолютная либерализация общественной жизни необходимо оборачивается свободой действий одних по отношению к другим. Она выражается в установлении всеобщего жесткого порядка отношений господства и подчинения. Поэтому не случайно, как это ни кажется парадоксальным, активнейшими участниками бурных выступлений против глобализации являются анархисты.

Глобальное общество можно рассматривать как практическую реализацию модели информационного общества. Господствует тот, кто владеет информацией — научно-технической, производственно-экономической, социально-политической, а владеет информацией тот, кто способен ее произвести, купить или просто снять с мировой информационной сети, будучи в состоянии обозреть и процедить все информационные потоки в мире, вплоть до бытовых телефонных разговоров. В этом тотальном просматривании и прослушивании, всеобщем контроле и регулировании человеческой жизни понятия прав и свобод переводятся в какую-то иную плоскость и утрачивают реальное содержание. Таким образом, либеральное общество в глобальном мире переходит в свою противоположность.

В ходе функционирования и развития общности накапливается масса непродуцируемых элементов, функция которых сводится к поддержанию ее целостности. Характер целостности является одной из составляющих геонисторической формулы общности. У России в этом смысле неблагоприятная формула: большая и резко дифференцированная территория, значительная часть которой неблагоприятна по условиям жизни и ведения хозяйства; объективно обусловленная недостаточность коммуникаций; непреодолимо глубокая социальная дифференциация населения, — все это и ряд других объективных и субъективных факторов требует расходования дополнительных ресурсов для поддержания целостности России, и глобализация мировой экономики, сопровождающаяся либерализацией всей общественной жизни, оказывается разрушительной силой, воздействующей на российскую целостность.

В соответствии с техносциальной формулой, которая обуславливает наличие в обществе социальной дифференциации и насилия в организации производства как внутри общности, так и в ее взаимодействии с другими общностями, возможны два основных типа организации общности,

теоретически представляемые централизмом и либерализмом. В зависимости от положения общности в мире (изоляция, господство—лидерство, подчиненность—отсталость) складывается баланс соотношения централизма и либерализма.

Объективная противоречивость общественного развития, мучительность выбора между централизмом и либерализмом обуславливает непрекращающиеся попытки провозглашения некоего третьего пути. Для России они особенно типичны, и русская общественная мысль всегда претендовала на то, чтобы открыть и показать миру этот третий путь, установить его у себя и предложить пойти по нему всему человечеству.

Напротив, Китай являет собой характерный пример централизма как условия удержания стабильности общности, в которой даже переход к рыночным отношениям, т.е. к крупномасштабным элементам либерализма, был осуществлен в рамках стратегической государственной политики. Китай — это пример отношения власти к общности как к своему хозяйству, пример централистской иерархии во все времена китайской истории. Он может быть низвержен только путем разложения изнутри, при помощи тотальной либерализации, как это случилось с Россией-СССР, которая в очередной раз стала жертвой междоусобицы, но уже не в ходе военного нашествия, а в процессе экономического давления. Россия всегда имела повыпенное внутреннее напряжение, сдерживаемое центральной властью и разрушающее ее целостность при ослаблении власти.

Вопрос о том, может ли Россия, по крайней мере, восстановить свое самостоятельное положение в теперь уже глобальном мире, не говоря о том, чтобы занять лидирующие позиции, не определяется, как это было ранее, факторами пространства, народонаселения и сырья. Какие новые открытия и изобретения дали бы России преимущества, этого не знает никто.

В ускоряющемся процессе глобализации формируется совсем другая конфигурация мира, для России все определится местом в ней. Но сама конфигурация не вырисовывается спонтанно и не предзадана свыше, она складывается в результате бескомпромиссной межобщностной борьбы на выживание. Вот где главное поле и направление деятельности российской власти.

Нынешняя ситуация, когда обуславливающие российскую жизнь факторы (нефть и газ) находятся в частных руках, а определение места России в глобальном мире зависит от власти, является объективно противоречивой и конкретно для России неблагоприятной, ненормальной. Частная деятельность либеральна по своей природе, частнику все равно в какую целостность вписываться, лишь бы это давало экономический эффект. В глобальном либеральном мире Россия, как общность, для частника является отвлеченным понятием, ему нужны приемлемые налоги, а не национальные приоритеты. Для России всегда было самым трудным делом соединение интересов власти и собственности (общества и личности), а в конечном счете — просто совместно живущих людей.

Лидирующие и отсталые общности, помимо всего прочего, различаются

но степени противоречия в отношении “личность – общество”. В России это одно из самых острых противоречий в силу духовной развитости человека, сильного экзистенциального напряжения в нем. С одной стороны – высокое переживание по поводу особой миссии России в мире, а с другой – ощущение ничтожности маленького человека. Извечное поэтическое доминирование общественного над личным реализуется в прозаическом господстве одних людей над другими. Общественного, как такового, не существует, потому и сильно противоречие между личным и общественным, ибо это противоречие между самими людьми.

Современное состояние России, как общности, требует максимально возможного централизма. Но еще раз национализировать нефть и газ не будут, по крайней мере сейчас, разве что только после полного разорения, краха, чтобы спасение одних “трудящихся” переложить на плечи других трудящихся. Таким образом, положение в России объективно противоречиво, главным условием удержания ситуации под контролем остается наличие сильной централизованной власти при всех свойственных ей недостатках и сопутствующих издержках. Вот в чем смысл трудности исторического выбора России.

Понимание объективной необходимости централизма в России должно сопровождаться пониманием того обстоятельства, что авторитарная власть сама по себе, как власть над людьми, есть зло в той мере, в какой она в своей персонифицированной представленности означает всего лишь власть одних людей над другими. Беззащитность человека перед властью оказывается по сути его беззащитностью перед другим человеком, а закон предстает уже не как высшая сила разума, стоящая над людьми и уравнивающая их перед собой, а как слепая стихийная сила, работающая на тех, в чьих руках она находится. Не случайно в народе издавна бытует поговорка: “Закон, что дышло, – куда повернул, туда и вышло”. Для России всегда была актуальна и другая, таящая глубокий смысл поговорка: “От тюрьмы и от сумы не зарекайся”. Ни один человек не может быть гарантирован ни от того, ни от другого, как бы он ни старался этого избежать, поскольку ни экономической, ни правовой устойчивой, логически непротиворечивой системы общественной жизни не существует. Последнее в полной мере относится и к либеральному, гражданскому обществу, где неравенство людей перед законом определяется различием возможностей оплачивать юридические услуги.

Россия являет собой пример социально-экологического кризиса как истощения формулы своего развития, что означает не столько загрязнение окружающей среды и истощение природных ресурсов, сколько истощение внутреннего источника авансированного труда. Абстрактно-теоретическая формула России не фатальна, она не указывает непреодолимых препятствий для занятия Россией XXI века такого же места, какое занимала, например, Англия в XIX веке. Однако конкретный расчет ее геоисторической формулы даже в самом приближенном виде пока что неутешителен.

Для России всегда было характерно состояние переживания перелома, непреходящее тревожное ожидание, вызванное приближением или наступлением новой эпохи. Россия всегда находится в провале между прошлым

и будущим. Прошлое отвергается, настоящее не признается, будущее неизвестно. В ХУШ веке – Петровские реформы, в XIX веке – 1861 год, в XX веке – 1917 год, – предметом переживания было одно и то же – формирование нового типа общности, ощущение утраты старой, привычной и подлинной России, переживание конфликта отцов и детей. Но в каждом очередном веке уже было невозможно жить так, как жили в предыдущем, и Россия оказалась обреченной на вечный выбор пути. То же можно сказать и о нынешних переменах, навещающих переживание грозящей утраты России, но одновременно предупреждающих о том, что жить в XXI веке так, как жила Россия в XX веке, нельзя. Труднее всего определить, как она должна жить?

В настоящее время Россия освободилась от одного из вечных своих вопросов внутреннего происхождения – “кто виноват?”. Но возник другой вопрос, навязанный извне, – “что будет?”. В его рамках стал совершенно безотлагательным ответ на второй вечный российский вопрос – “что делать?”. Но этот главный вопрос получает свою определенность только в свете самого трудного вопроса – “что мы хотим?”, исходя не из абстрактных идеалов, а из реальности, конкретных возможностей. Только тогда станет ясно, что надо делать, и при наличии сильной направляющей воли будет сделано.

Модель глобального мира с его максимально возможной обобщественностью и плановой управляемостью в определенном смысле тождественна модели всемирного коммунизма “с противоположным знаком”, реализуемого не по схеме абсолютистского прогресса с его неограниченностью роста производства и потребления, а в соответствии с техносоциальной формулой с ее фундаментальным социальным отношением “цель – средство”. Глобальный мир предполагает установление единого мирового хозяйства, единой системы производства с разделением его результатов не по потребностям и не по труду, но даже, возможно, не по капиталу. Рациональному объяснению не поддаются ни модель коммунистического изобилия, ни модель “цель – средство” в едином человечестве. В том и другом случае нет реального стимула общественной деятельности. Остается только борьба за выживание, меняющая формы своей цивилизованности и духовные оболочки мифологизации. В принципе здесь уместно ставить вопрос о переходе к другому типу цивилизации.

Сущностные характеристики глобального мира становятся понятными в свете техносоциальной формулы общества. И наоборот, – лишь глобализация, как новая социальная практика, дала необходимый материал для открытия формулы. Ее осознание ведет к радикальному пересмотру системы социального знания.

Если в XIX веке еще господствует классическая рациональность с ее разумностью бытия и человека, модернизмом и прогрессизмом, то для XX века характерна неклассика с ее иррационализмом, релятивизмом, постмодернизмом, когда человеческая рациональность опрокинута, миром владеет подсознание, толкающее к насилию. Двадцать первый век начался под знаком формулы и обещает переход к неорациональности, т.е. к рациональному пониманию человеческой жизни как борьбы за выживание.

Глобализация общественной жизни, будучи объективным процессом, не подлежит какой-либо социальной оценке, не поддается ценностному измерению вообще. Ее можно и нужно понять, но бессмысленно приветствовать или проклинать. Одновременно она не содержит социальной двойственности и не может быть направлена в ту или иную сторону в аспекте справедливости или несправедливости, ей нельзя придать прогрессивный или реакционный характер. В основе глобализации, как объективного общественного процесса, в соответствии с техносоциальной формулой общества лежит борьба за выживание, являющаяся двигателем социального прогресса. Глобализация является следствием, результатом этой борьбы, а не наоборот. Поэтому альтернативные модели глобализации типа “мировой коммунизм” или “мировой капитализм” методологически столь же бесплодны, как и всякого рода футурологические пророчества. Мы не можем знать, как пойдет этот процесс, но мы должны знать его закон.

Для того, чтобы превратить одних людей в средство для других, чисто экономических способов принуждения недостаточно, поскольку экономические отношения характеризуются симметричной взаимозависимостью продавца и покупателя. В чисто экономических отношениях вступают равные партнеры, свободные, не зависящие друг от друга субъекты, целью отношений которых является выгода от взаимного дополнения, а не от неравного обмена. То есть в чисто экономической сфере отсутствует присвоение результатов чужого труда. И в этом смысле экономическая деятельность, как только экономическая, не может быть источником прибыли (не дает превышения результата над затратами, не эффективна).

Следовательно, экономические отношения в чистом виде, т.е. чисто рыночные отношения, а значит, и сотканное из них либеральное общество – это не что иное, как идеальная модель, подобная идеальным моделям в естествознании. В реальном обществе соревнование, как таковое, имеет подчиненное значение, а стержневая социообразующая функция выполняется насилием, экономическое принуждение необходимо дополняется внеэкономическим, собственно насилием в той или иной его форме, той или иной степенью опосредования. Это значит, что в действительно либеральном обществе свобода рыночных отношений предполагает и свободу внеэкономического принуждения.

Жизнь в обществе определяется борьбой, в которой нет всеобщих объективных законов, а значит, нет всеобщей логики, а есть только логика борьбы, в которой важно получить не абстрактную истину, а конкретный результат, получить его сейчас — в настоящем, а не потом – в будущем, причем получить любой ценой, а не по декларируемым нормативам. Ибо результатом борьбы является жизнь (индивида или общности). А идеальные модели используются в сфере идеологии как средство реальной борьбы, в которой руководствуются не идеальными моделями, а действительными интересами. Вот с этих позиций и можно понять современную ситуацию в России.